

Надежда снова достала телефон и отстучала сообщение: «Ну, ты где вообще?»

На предыдущие два ответа не было, а сейчас телефон тут же пискнул, слава богу, Машка написала: «Надя, извини, я опаздываю!»

— А то я не знаю, — проворчала Надежда, — уже полчаса тебя жду.

Она тут же усмехнулась про себя: на самом деле не полчаса, а пятнадцать минут, да и Машка вечно опаздывает, так что волноваться-то она, Надежда, еще по-настоящему не начинала.

Надежда поглядела на небо, удивительно чистое сегодня, так что она выложила зонтик, который жители славного города Петербурга не носят с собой, только если на улице свирепствует двадцатиградусный мороз.

Сейчас мороза нет, и не будет еще месяцев шесть, а может и больше, потому что не только по календарю, но и на самом деле в городе наступила весна.

Конец апреля, на небе ни облачка, и хоть дует холодный ветер с залива, на деревьях прорезались крошечные листочки, и воробьи, обсевшие голый еще куст сирени в скверике, где стояла Надежда, расчирикались уж очень радостно.

Надежда глубоко вдохнула свежий весенний воздух и решила не расстраиваться по пустякам. Ее подруга в своем репертуаре, ее не переделаешь. Она и правда ужасно занята — преподает в Университете и пишет детективы, и критики считают, что довольно неплохие. На все это нужно время, которого у Машки катастрофически не хватает. Потому она вечно торопится и опаздывает всюду.

Надежда взглянула на часы.

Так, уже двадцать пять минут прошло. Она едва удержалась, чтобы не схватить телефон. Что толку?

Ветер подул с новой силой, она плотнее укуталась шарфом и повернулась лицом к остановке автобуса. Вот он как раз вывернул из-за поворота. Ну, наконец-то!

Однако среди людей, вышедших из автобуса, подруги не оказалось.

Надежда давно уже дала себе слово не ругаться вслух и тщательно следить за своим лицом, когда такие слова невольно возникают в голове. Но сейчас лицо у нее совершенно перекосилось от злости. А что делать, если уже не хватает терпения на эту тетеху! Ведь это Машка уговорила ее пойти на эту выставку.

— Открылся новый музей, и там выставка какая-то особенная, просто класс! — кричала Машка по телефону. — Надя, я просто обязана туда пойти как можно быстрее!

И Надежда придержала вопрос, а зачем ей-то нужна эта выставка, потому что Машка тотчас раз-

разилась бы негодующей тирадой, что, живя в таком большом культурном городе, Надежда мало куда ходит, хоть и имеет кучу свободного времени.

Ага, как же... Надежда Николаевна Лебедева уже несколько лет не работала, но не сказать, чтобы сидела дома, потому что по своему характеру это ей было скучно. Она, конечно, вела домашнее хозяйство и заботилась о муже, а также воспитывала кота (кот, в свою очередь, считал, что это он ее воспитывает, хотя, если честно, то оба они в этом деле не слишком преуспевали).

Но все друзья и знакомые решили почему-то, что у Надежды образовалась куча свободного времени, и начали поручать ей какие-то задания и просить об одолжении. Причем просить так, как говорится в одном старом фильме: «Ему сделали такое предложение, от которого никак нельзя отказать».

Точно так и с Надеждой: вроде просят, а на самом деле требуют, буквально за горло берут, говорят, что если не Надежда — то больше никто не выручит.

И она выручала первое время, а потом поняла, что если не научится говорить слово «нет», то так и проведет все время в ожидании сантехника в чужой квартире, или в очереди к педиатру участковой поликлиники, или будет возить чужих хомяков к ветеринару, или коротать вечера с чьими-то престарелыми тетусками, пока их племянники прожигают жизнь на курортах.

Нет, на такое Надежда точно не подписывалась, поэтому слово «нет» стало выговариваться

легче, и потихоньку все пришло в норму, мало кто из знакомых обиделся на нее сильно.

Бывали, конечно, случаи, когда Надежда бросала все и неслась сломя голову спасать, помогать, навещать и дежурить. Но это случалось гораздо реже.

Так что Машка — это не с ножом к горлу, она просто не любит куда ходить одна, ей обязательно нужно с кем-то увиденное обсудить, немедленно поделиться впечатлениями. И Надежда согласилась, потому что выставка и правда обещала быть интересной, какие-то там удивительные восточные древности.

А Машке обязательно нужны свежие впечатления. Иначе она писать свои детективы не сможет, сама говорит, что с воображением у нее туговато.

Сейчас Надежда снова вздохнула и потопталась на месте. Надо же, вроде весна, а холодно, ноги в легких ботиночках замерзли. Она снова достала телефон и — о, чудо! — он пискнул.

«Надя, прости ради бога, — прочитала Надежда, — никак не смогу сегодня, в издательство вызвали, какой-то у них там аврал. Давай уж отложим, ладно?»

Нет, ну как вам это нравится, а?

Надежда едва не бросила телефон на асфальт. «Отложим», ну конечно! А что Надежда тащилась сюда в душном метро, а потом еще в набитом автобусе — это как? И еще стояла, как полная дура, на холодном ветру! А эта тетеха не могла заранее сообщить!

«Нет, Машка неисправима, ее не переделаешь, надо принимать ее такой, какая она есть», — обреченно подумала Надежда.

Ну ладно, а ей-то что теперь делать? Ехать домой, а по дороге зайти в магазин и купить коту вкусенького? Он всегда скучает, когда хозяин в командировке, ему требуется повышенное внимание.

Вот именно, муж в очередной командировке, и Надежде сегодня не нужно торопиться домой, оттого она и согласилась пойти с Машкой на выставку.

Надежда взглянула на двери нового музея и решила туда все же зайти. Хоть согреется немного перед обратной дорогой. А Машка пускай потом сама идет впечатлений набираться.

Новый культурный центр впечатлял. Большое здание, шесть этажей, нужная Надежде выставка располагалась на третьем. А на пятом было кафе, о чем Надежда с большой радостью прочитала на табличке. Была у нее мысль подняться в кафе сразу, чтобы выпить кофе и согреться, но она отогнала эту мысль подальше. Сначала — духовная пища, а потом — телесная. А то и на выставку идти не захочется.

Выставка была не так чтобы большая, очевидно много ценных древностей не смогли привезти, а с ерундой какой-нибудь не стали заморачиваться.

И то сказать: в Петербурге музеев много, один Эрмитаж с его коллекцией чего стоит.

Народу днем в будний день было немного, так что Надежда беспрепятственно продвигалась по залу, рассматривая разложенные в витринах мелкие экспонаты и поставленные в углах большие статуи. Было там еще развешено старинное оружие — копья, ятаганы, кинжалы и так далее, Надежда по причине женской своей природы не слишком оружием интересовалась.

Зато понравилась ей терракотовая статуя средневекового воина, в подписи под ним говорилось, что таких статуй там, в Китае, найдено было множество. Надежда представила целую толпу таких воинов... Что ж, впечатляет.

Но главное место занимала большая статуя ассирийской богини Ламашту.

Бронзовая женщина раза в полтора выше человеческого роста, со львиной головой и когтистыми ногами, как у орла. В каждой руке она держала по извивающейся змее, и на поясе разместились фигуры диких зверей — был там леопард, кабан и еще какое-то страшное создание, отдаленно похожее на огромного волка.

Надежда долго любовалась зловещей богиней, пока ее не подвинула энергичная бабушка с двумя внуками. Внуки были близнецы — мальчик и девочка лет восьми. Мальчик, естественно, прилип к оружию, девочка внимательно рассматривала старинные украшения. На лице у нее было самое скептическое выражение — дескать, как-то все скромно, никакого блеска и гламура.

Бабушка наконец подвела внуков к статуе богини. Мальчишка покрутился вокруг и щелкнул по

носу одного из трех зверей, отдаленно похожего на волка или собаку.

— Ой! — завопил он. — Этот урод меня укусил!

— Будет врать-то! — неожиданно басом заметила его сестра.

— Да нет же, вот кровь идет! — С пальца действительно свисала капелька крови.

— Сам поцарапался, потому что суешь пальцы, куда не следует, — сказала бабушка, но, видно, поняла, что пора уходить во избежание последствий.

Умудренная опытом, она пообещала внукам мороженое, и дети тотчас согласились. На прощание мальчишка погрозил ассирийской статуе кулаком, и Надежде показалось, что богиня Ламашту злобно ухмыльнулась в ответ.

В зале стало совсем тихо и пустынно, считая Надежду, осталось всего трое посетителей. Одна девушка бормотала что-то в телефон тихонько, не иначе — журналистка или блогерша, и еще одна женщина бродила между экспонатами. Надежда взглянула пристальнее, потому что увидела на минуту в этой женщине что-то знакомое — не то жест, не то поворот головы. Но нет, показалось...

Надежда остановилась перед витриной, где выставлена была только одна монета.

Монета была очень необычная.

Она была, судя по внешнему виду, золотая, и очень хорошо сохранилась. Монета лежала на черной бархатной подушечке, и кроме нее в этой витрине больше ничего не было — значит, эта монета была какая-то особенно редкая и ценная.

Ну да, рядом с ней лежала карточка, на которой было напечатано, что эта монета найдена при раскопках на месте поселения древней минойской цивилизации на Крите. Однако, судя по многим особенностям, в частности, по надписи, которая сделана не критским линейным письмом, а каким-то другим алфавитом, и на другом, неизвестном и не поддающемся расшифровке языке, эта монета принадлежит какой-то другой, еще более древней культуре, и датируется ориентировочно третьим или даже четвертым тысячелетием до нашей эры.

Таким образом, если эта датировка верна, это — самая древняя из когда-либо найденных монет.

«Третье тысячелетие... — уважительно подумала Надежда. — Или даже четвертое... выходит, этой монете примерно пять тысяч лет, а то и больше... а выглядит как новая».

В центре монеты была очень красиво изображена львиная голова с грозно оскаленной пастью, от которой, как от солнца, исходили во все стороны лучи. По самому краю монеты была выгравирована какая-то надпись — там змеились странные буквы непривычной формы, не похожие ни на один язык, надписи на котором Надежда когда-нибудь видела — не то что на кириллицу или латиницу, но на греческие буквы, на арабскую вязь или даже на ассирийскую клинопись.

«Ну да, — подумала снова Надежда, — здесь же написано, что это — неизвестный науке язык, не поддающийся расшифровке...»

Но этим особенности монеты не исчерпывались.

В верхней ее части, над львиной головой, был выгравирован узор.

Золотая спираль шла от края этого узора к его центру, становясь все тоньше и как бы уходя в глубину.

И вдруг Надежду посетило какое-то странное чувство.

Ей показалось, что золотая спираль затягивает ее внутрь, в свой центр, и там, в самом сердце золотой спирали, Надежду ждет что-то очень важное... что-то, к чему она безуспешно стремилась всю жизнь...

Она ощутила то пугающее и одновременно манящее чувство, которое иногда возникает на краю пропасти — когда страшно до тошноты и в то же время хочется шагнуть вперед, в неизведанное, пусть даже это будет последний шаг в жизни...

В следующее мгновение Надежде показалось, что она скользит в глубину этой загадочной спирали, все глубже и глубже, и не может остановиться... еще немного, и она окажется в другом, непостижимом мире, в другой жизни...

Тут какой-то посторонний звук отвлек ее внимание, Надежда вздрогнула — и словно очнулась.

Она осознала, что стоит в музейном зале, перед витриной, в которой лежит на черном бархате удивительная древняя монета...

Надежда испытала странное чувство — она подумала, что какой-то случайный звук спас ее,

иначе она без возврата покинула бы привычный мир и провалилась в неведомое.

И в то же время ее охватило сожаление — как будто она утратила какую-то удивительную возможность. Возможность, которая больше никогда не повторится.

Надежда снова опасливо взглянула на древнюю монету — но удивительное состояние к ней больше не вернулось. Хотя от монеты по-прежнему исходило какое-то странное тепло.

В это время открылась дверь, на которой была табличка, что ведет она в служебное помещение и что посторонним, естественно, вход туда запрещен. Из двери вышла группа людей. Впереди выступал вальяжный мужчина средних лет. Он был всем хорош: чисто выбрит, подстрижен явно в высококлассном салоне, костюм на нем был дорогой и отлично сидел. Еще был галстук из натурального шелка ручной работы и шикарные итальянские ботинки.

Надежда Николаевна, как замужняя женщина, кое-что понимала в хорошей мужской одежде. Разумеется, такого костюма у ее мужа не было и быть не могло, но глаз-то у нее наметан.

Итак, мужчина держался по-хозяйски, из чего Надежда сделала вывод, что он — какое-то здешнее начальство, а, учитывая костюм и внешний вид, начальство высокое.

Мужчина галантно придержал дверь, откуда вышла следом за ним молодая женщина. Насчет нее Надежда задержалась с определением.